

на берегу: прямая и обратная перспектива в пространствах Владимира Мартынова

ещет вера,
к людям.
ий

а Мартынова существу-
ерпретациях, встречаясь
ом» из вчерашнего дня
дущее, в новый контекст
ие. Его внутренняя ин-
мифология органично
тс с внешним реакти-
радикальные стратегии
ры. Музыкальные «тексты»
сируют на грани сохра-
резкости и полустертости,
ременно смертной жизне-
образа и композиторского

кой, «реликтовой и футу-
и Владимира Мартынова
аются в образы прилива
их пространств, соединяя
центричностью и архетипами
Они уходят в сегодняшний
говорил Осип Мандель-
в постоянное возвращение
его на обочине, в эхо
ой перспективы культуры.
ется в классическую Элладу,
ость античности, мерную

и пропорциональную золотому сечению,
пронизанную гностической тайной лифа-
горейства. Она скрывается в завесах ба-
рокко, в его сложных рельефах, обнаруживая
свои смыслы в одиноких поисках Эвридики,
в «опрокинутом» взгляде Орфея или в слад-
чайших звуках Сирен. В этих средиземномор-
ских странствиях идеальное соседствует
с возвышенным гиперборейством, временами
нарушая линейную ясность Евклида и отчет-
ливость античности, постоянно пересекаясь
с трагическим вопросом «быть или не быть?»
новейших «осевых» культур.

«Ожидание-забвение» музыкального контек-
ста, транскультурные парадоксы «утраченного
времени», живущего в складках и нишах, сок-
рытого и формирующего в сокренности насто-
ящее, составляет феномен одной из последних
композиций Владимира Мартынова «Танцы
на берегу». Произведение, написанное для
фортепьяно и исполненное самим автором,
движется в многослойных образах, в неустой-
чивых равновесиях Телониуса Монка, в эллип-
тических нетождественных возвращениях-путь-
шествиях композитора к истокам своего станов-
ления. Оно растворяется в утратах и наполня-

